

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

В.А. Мазилев

НАУЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЯ¹

В статье предпринят анализ основных подходов к проблеме объяснения в научной психологии. Показано, что объяснение является одной из важнейших функций и ценностей в психологической науке. В статье акцентирована позиция, согласно которой в психологии существует множественность видов объяснения, поэтому недопустимо сводить все объяснение к какому-то одному виду (например, причинно-следственному). Утверждается, что наибольшим препятствием для разработки проблемы объяснения в психологии в настоящее время является принцип психофизиологического параллелизма, разделяемый большинством психологов. В статье специально обсуждению подверглась проблема редукции в психологии. Не отрицая полезности принципа редукции в целом, автор утверждает, что редукционистские объяснения очень часто являются псевдообъяснениями. Предлагается подход, развивающий известное положение Э. Шпрангера «psychologica – psychological» – требования объяснять психическое через психическое.

Ключевые слова: научная психология, объяснение, виды объяснения, редукция, теория, предтеория, метод, интерпретирующая категория, объяснительная категория, теоретический метод, предмет психологии.

«Объяснять – значит обнажать реальность от ее явлений...»

Пьер Дюгем

Проблема объяснения традиционно считается одной из важнейших методологических проблем науки. Известный отечественный философ науки Е.П. Никитин отмечал: «Действительно, и в прошлой истории науки, и сейчас общепризнанным является мнение, что при научном исследовании любого объекта одна из основных задач состоит в том, чтобы дать *объяснение этого объекта*» [7, с. 5]. Е.П. Никитин выделил ряд функций науки: «...функциями науки (в их конкретном выражении) будем считать описательную, измерительную, классификационную, унифицирующую, объяснительную, предсказательную, ретросказательную, нормативную и т.д.» [7, с. 12]. «Объяснение – одна из важнейших

функций науки. Не случайно ее часто характеризуют как основную функцию научного исследования наряду с функцией предвидения» [7, с. 12]. Таким образом, объяснение в отечественной философии науки рассматривается как одна из функций науки.

Логико-гносеологическому анализу природы научного объяснения посвящена в мировой философии науки огромная литература. (Глубокий анализ важнейших классических работ по проблеме объяснения в философии предпринят в цитированной выше фундаментальной моно-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 06-06-90602 а/Б.

графии Е.П. Никитина [7]. Философских исследований проблемы объяснения мы еще коснемся в настоящей работе, а пока обратимся к проблеме объяснения в отечественной психологии.

В настоящее время считается, что проблема объяснения в психологии — одна из ее центральных методологических проблем. А.В. Юревич, опубликовавший в 2006 году чрезвычайно интересную и глубокую статью об объяснении в психологии (которой мы в настоящем тексте неоднократно будем касаться), следующим образом характеризует значение проблемы объяснения в психологии: «Для психологической науки она (проблема объяснения. — В.М.) обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, *каким должно быть психологическое объяснение*, эквивалентен ее ключевому методологическому выбору, а в специфике психологического объяснения относительно объяснения, характерного для других наук, традиционно видится одна из главных особенностей психологии» [13, с. 97]*. Но, как это ни удивительно, остается актуальным и справедливым замечание известного отечественного методолога психологии М.С. Роговина, сделанное еще в 1979 году: «В настоящее время, когда тщательно разработаны методы психологического эксперимента, правила обработки результатов, когда в распоряжении исследователей сложная и разнообразная техника, некоторые из них высказывают мнение, что самым сложным в психологии является объяснение. Тем более странным и неоправданным представляется то, что склонность к анализу объяснения проявляют лишь очень немногие психологи» [10, с. 54]. Повторим, эта констатация до сих пор в значительной степени справедлива.

В советской психологии проблеме объяснения внимания практически не

уделялось. В известной книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» [6], например, данная проблема специально не выделялась и, естественно, не обсуждалась. Предполагалось, что никакой особой проблемы объяснения не существует, т.к. функция объяснения выполняется диалектикой — философской методологией науки. Во всяком случае, марксизм-ленинизм как философский уровень методологии не предполагал какой-либо специальной процедуры объяснения. Поэтому традиция рассмотрения проблемы объяснения в отечественной методологии психологии практически отсутствовала.

Как хорошо известно, в отечественной философии советского периода существовали различные области, имевшие ощутимо различное число «степеней свободы». По авторитетному свидетельству многих отечественных философов, наиболее свободной от идеологического контроля была философия науки, поэтому именно в рамках философии науки и проводилась разработка проблемы объяснения. Как отмечает В.А. Лекторский, «в 50-е и 60-е годы философы нашего поколения и нашего круга связывали надежды на прогресс в философии с исследованиями в области теории познания, в особенности теории научного познания. Проблематика логики и методологии науки, формальной (символической) логики разрабатывалась тогда наиболее интенсивно и успешно. Этой тематикой занимались наши самые талантливые философы (по тем временам это была философская молодежь). Дело было не только в том, что партийный диктат в этой области философии был наименее ощутим, что здесь в наибольшей степени можно было использовать академические стандарты исследования... Дело также и в том, что для нас эти исследования представлялись лучшим способом противостояния официальной идеологии. Рассчитывая на изменение

* См. также этот выпуск, с. 74–87 (ред.).

социальной ситуации, которая нас не устраивала во многих отношениях, именно на науку мы возлагали главные надежды. Противостоять догматической идеологии прямо в лоб невозможно. Но вот с наукой она ничего не может сделать, как бы этого ни хотела...» [3, с. 475]. Итак, повторим, проблема объяснения в советский период разрабатывалась в философии науки.

Прежде всего следует назвать известные многолетние исследования Е.П. Никитина. В 1970 году вышла уже упоминавшаяся книга Е.П. Никитина «Объяснение — функция науки», имевшая поистине новаторский характер. В частности, в этой работе было убедительно показано, что существуют различные виды объяснения. И следовательно, причинное объяснение не является единственным объяснением (некоторых моментов этого фундаментального труда мы еще коснемся ниже).

Объяснение как методологическая проблема в отечественной психологической науке было поставлено, насколько можно судить, благодаря публикации перевода на русский язык известного классического руководства по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже, в котором содержалась глава «Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм», принадлежащая перу Жана Пиаже [9]. Как представляется, эта публикация не вызвала бурных дискуссий. Насколько нам известно, одним из немногих отечественных авторов, анализировавших проблему объяснения в психологии и критиковавших позиции Ж. Пиаже, был М.С. Роговин, посвятивший этому вопросу две главы своей книги «Психологическое исследование» [10]. Констатируем, что специальных исследований по проблеме объяснения до недавних пор в отечественной психологической науке практически не было. Здесь, видимо, сказалось и недостаточное внимание психологов к этой проблеме, что отмечал М.С. Роговин, и

отсутствие традиции рассмотрения этой проблемы в отечественной психологической науке. Отметим, что в зарубежной психологии проблеме объяснения посвящено весьма значительное количество работ (это, в частности, [15–17; 19] и многие другие).

О пользе философии науки

Как уже отмечалось, проблема объяснения первоначально была поставлена в философии науки, и именно в философии науки были получены наиболее важные результаты, которые в настоящее время представляют собой «классику» в данной области². Речь, прежде всего, идет о знаменитых работах К. Гемпеля и П. Оппенгейма, в которых вводятся ныне общепринятые понятия «экспланандум» и «эксплананс» [18]. Как известно, согласно этой модели, объяснение эмпирического факта представляет собой его подведение под общее высказывание. В научном объяснении в качестве такого общего высказывания выступает утверждение о законе. Утверждение о законе может быть получено как индуктивно, на основе эмпирической генерализации, так и дедуктивно. В.А. Лекторский отмечает, что «гемпелевская модель объяснения предельно формальна: она не учитывает характер тех моделей, которые используются для интерпретации теории» [3, с. 477]. Подход Е.П. Никитина к проблеме объяснения, согласно В.А. Лекторскому, существенно отличается от гемпелевского, поскольку он «сделал то, чего не сделал Гемпель: показал, что существуют разные типы объяснений в зависимости от моделей, принимаемых для интерпретации теории. Поэтому объяснения могут быть субстратными, структурными, причин-

² Ввиду ограниченности объема настоящей статьи мы не рассматриваем историю проблемы объяснения в философии науки. Анализ литературы по данной проблеме см. в монографии Е.П. Никитина [7].

ными, функциональными и т.д. Каждый тип объяснения предоставляет разные возможности для истолкования имеющихся фактов и предсказания новых» [3, с. 477]. Е.П. Никитин разработал классификацию объяснений (по нескольким основаниям).

Достоинством классификации Е.П. Никитина является ее логическая обоснованность. Как отмечает Е.П. Никитин, «предварительным условием классификации каких-либо объектов является выяснение их основных принципиальных характеристик, которые могут быть использованы в качестве оснований деления. Эти характеристики должны быть варьирующимися, т.е. принимать различные значения применительно к разным группам исследуемого класса объектов. В противном случае они не могут служить основаниями классификации» [7, с. 43].

Предложенная классификация построена по трем основаниям:

1. Характер эксплананса.
2. Характер экспланандума.
3. Характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума.

Соответственно, получаются три классификации объяснений.

Первая классификация (по характеру эксплананса) предполагает выделение следующих типов:

1. Субстанциональные объяснения.
2. Атрибутивные объяснения.
3. Генетические объяснения.
4. Контрагенетические объяснения.
5. Структурные объяснения.

Вторая классификация (по характеру экспланандума) предполагает выделение следующих типов:

1. Фактологические (экспланандумами являются факты).
2. Номологические (экспланандумами являются законы).
3. Теориологические (экспланандумами являются теории).

Третья классификация по механизму объяснения (характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума):

1. Объяснения через собственный закон.
2. Модельные объяснения.

На наш взгляд, эти исследования Е.П. Никитина имеют большое значение для психологии, т.к. в современной психологии явно не хватает строгой логической упорядоченности. Психологи привыкли рассуждать о множественности объяснений, но работа по конкретному отнесению того или иного выполненного исследования к той или иной объяснительной традиции обычно не проводится. Объяснения в психологии, как правило, выстраиваются интуитивно, выбор возможных типов и способов объяснения редко выступает как хорошо осознанный акт со стороны исследователя. Не уделяют должного внимания этим вопросам и историки психологии. Все это, на наш взгляд, препятствует разворачиванию интегративных тенденций в психологии.

Работы Е.П. Никитина по проблеме объяснения имеют, на наш взгляд, большое эвристическое значение для психологической методологии и в другом аспекте. Чрезвычайно важно, что объяснение в работах этого автора рассматривается не само по себе, а в более широком контексте – в рамках структуры научного исследования. К обсуждению этого вопроса мы еще вернемся в рамках настоящего текста.

О видах психологического объяснения

Как пишет А.В. Юревич, «какого-либо стандартного, типового, а тем более нормативного объяснения в психологии не существует, психологами используется большое разнообразие видов объяснения, выбор которых определяется особенностями изучаемых объектов, базовыми методологическими ориентациями самих психологов и другими подобными факторами. Объяснения,

которые дают изучаемым объектам нейрорепсихологи, существенно отличаются от объяснений, практикуемых психологами гуманистической ориентации, а, скажем, объяснения психоаналитиков выглядят весьма экзотически за пределами основополагающих принципов психоанализа» [13, с. 98]. Мы уже отмечали, что, к сожалению, классификаций, подобных приведенной выше никитинской, в психологии не существует. Тем не менее достаточную известность получило несколько следующих классификаций.

Достаточно распространенной является классификация Р. Брауна, согласно которой объяснения можно разделить на семь основных видов: 1) генетические объяснения, 2) интенциональные объяснения, 3) диспозиционные объяснения, 4) причинные объяснения, 5) функциональные объяснения, 6) эмпирические обобщения, 7) объяснения на основе теорий [15]. Характеризуя выделенные Р. Брауном виды объяснения, А.В. Юревич отмечает, что «в реальности они не разделены какими-либо гносеологическими барьерами и вступают в разноплановые отношения друг с другом. Например, интенциональные объяснения часто развиваются в диспозиционные объяснения, и те и другие могут быть преобразованы в причинные объяснения, и т.п. Большинство реальных объяснений, используемых в психологической, как и в любой другой социогуманитарной науке, не сводятся к какому-либо одному из выделенных Р. Брауном видов, а представляют собой их переплетение, включая апелляцию и к интенциям субъектов объясняемых действий, и к их диспозициям, и к предшествовавшим объясняемым действиям событиям, и к внешним факторам, оказавшим влияние на эти действия, и т.д.» [13, с. 99]. А.В. Юревич оценивает классификацию Р. Брауна следующим образом: «описанная выше систематизация основных видов психологического объяснения

выглядит несколько упрощенной. Она, во-первых, не учитывает ряда реально используемых видов объяснения; во-вторых, изрядно обедняет возможности их синтеза и взаимовлияния. Вместе с тем эта систематизация не эфемерна, а задает реальную матрицу видов объяснения, которые имеются в распоряжении психолога» [13, с. 99]. С такой оценкой классификации Брауна можно согласиться. Как и всякая эмпирическая типология, она имеет свои преимущества и недостатки.

Широкою известность получила также классификация психологических объяснений, разработанная классиком психологии Ж. Пиаже. Ж. Пиаже отмечает, что «существуют два основных типа или, по крайней мере, два полюса в объяснительных моделях в зависимости от того, направлены они на: а) сведение сложного к более простому или психологического к внепсихологическому или б) на конструктивизм, в большей или меньшей степени остающийся внутри границ “поведения”. Так как модели редуccionистского типа в свою очередь могут сохранять преимущественно психологическую окраску или, напротив, стремиться к сведению психического к фактам, выходящим за его пределы, мы фактически приходим к трем крупным категориям (А–В), причем каждая из двух последних предполагает три разновидности» [9, с. 167].

Приведем эту классификацию Ж. Пиаже [9, с. 167–168].

А) психологический редуccionизм: он состоит в поисках объяснения определенного числа различных реакций или действий посредством сведения их к одному и тому же причинному принципу, остающемуся неизменным в ходе преобразований.

Б) формы редуccionизма, объясняющие реакции или действия ссылкой на факты, выходящие за пределы психологии. Отсюда три следующие разновидности:

Б.) социологические объяснения в психологии или вообще психосоциальные объяснения, пытающиеся объяснить индивидуальные реакции с точки зрения взаимодействий между индивидами или структур социальных групп различных уровней;

Б₂) физикалистские объяснения, которые, исходя из изоморфизма психических и органических структур соответственно моделям поля, основывают в конечном счете эти последние на физических соображениях;

Б₃) органистские объяснения вообще, сводящие психологическое к физиологическому.

В) «конструктивистские»: такие типы объяснения, которые, предусматривая, конечно, различного рода сведения (так как это, по крайней мере, один из аспектов всякого объяснения), делают основной акцент на процессах конструкции:

В₁) модели типа «теории поведения», которые обладают тем общим признаком, что координируют различные законы обучения в системы, сосредоточенные на приобретении новых форм поведения;

В₂) модели чисто генетического типа, при помощи которых исследователи ищут в развитии некоторые конструктивные механизмы, способные объяснить появление нового опыта, не прибегая только к приобретенному опыту;

В₃) абстрактные модели, которые не предполагают выбора между различными возможными субстратами, чтобы лучше выявить в самой общей форме, соответствующей психологическим требованиям, механизм самих конструкций.

Как уже упоминалось, критика этой классификации была предпринята М.С. Роговиным [10, с. 57–62]. Остановимся лишь на некоторых моментах, подчеркиваемых М.С. Роговиным. «Рассматривая предлагаемые Ж. Пиаже типы объяснений, можно констатировать, что основные лежащие в основании деления

понятия “сведения” и “конструирования” носят у него достаточно неопределенный и двусмысленный характер. В них совершенно не разведены объективный и субъективный моменты. “Сведение” выступает у Пиаже фактически и как субъективное, возникающее у психолога в ходе исследования понимание и как объективный процесс перестройки знания при сопоставлении имеющихся психологических данных с тем или иным материальным субстратом. То же относится и к “конструированию” — это и субъективный процесс, включающий такие компоненты, как комбинирование, оперирование образами и знаками, абстрагирование, анализ и синтез, обобщение, и в то же время этим термином обозначается и объективное логическое содержание» [10, с. 62]. «Несколько безразличное отношение Пиаже к строгому определению основания производимого им деления видов объяснения связано и с тем, что все равно каждый из них является принципиально неполным, в том смысле, что, по его мнению, всегда должно существовать отношение дополнительности между моделями сведения и конструктивными абстрактными моделями. И в ходе своего изложения Пиаже действительно все время дополняет один вид объяснения другим. Поэтому, установив основные признаки объяснения (логическую необходимость отношений и реальность тех причинных связей, на которые она накладывается), Пиаже считал возможным основываться в дальнейшей разработке классификации всего лишь на критериях, которые показались ему наиболее удобными» [10, с. 62–63]. Роговин отмечает, что «в классификации Пиаже обращает на себя внимание отсутствие функционального объяснения, безусловно играющего важнейшую роль в психологии; его не то, чтобы совсем нет, но этот вид объяснения как бы растворяется в других, не совсем с ним совпадаю-

щих» [10, с. 63]. По мнению Роговина, «в результате произведенной им классификации видов объяснения Пиаже все же не удается выйти за извечные рамки психофизиологического параллелизма, параллелизма психических и нервных процессов, — проблемы, решение которой Пиаже мыслит в плане намечаемой им дополнителности, но реализацию которого он предоставляет будущему» [10, с. 63].

Обратим внимание на то обстоятельство, что в этой классификации видов объяснения, как представляется, заложено глубинное противоречие. Из семи выделенных типов шесть относятся к поведению, один к сознанию. Обратим внимание на то, что собственно *психологии* здесь чрезвычайно мало (напомним, что предметом психологии является *психика*, которая и «соединяет» эти категории). Как мы покажем ниже, это совсем не случайно. Другой момент заключается в том, что Ж. Пиаже приходит к психофизиологическому параллелизму. Психофизиологический параллелизм — это тот ход, который позволил психологии стать самостоятельной наукой, конституировал психологию. Но когда психология как дисциплина уже существует, это противопоставление психологического и физиологического не представляется слишком актуальным. Грегори Бейтсон в свое время пронизательно заметил, что это не лучшая оппозиция. По его мнению, юнговское противопоставление плеромы и креатуры конструктивнее. Такое разделение на психическое и физиологическое лишает психическое энергетических характеристик, делает его нежизнеспособным, чисто «логическим» отражением. Физиологическое оказывается «слепым» и неконструктивным. Независимость рядов является мнимой, поскольку одно без другого не существует, а допущенный разрыв обесмысливает функционирование безжизненных «половинок». Вспомним

в связи с этим про мечту Л.С. Выготского о возвращении к монистическим идеям Б. Спинозы.

Полезен ли редукционизм?

Не имея возможности в рамках настоящей статьи обсуждать все аспекты проблемы объяснения в психологии, остановимся более подробно на вопросе соотношения редукционизма и объяснения в психологии.

В статье А.В. Юревича, на которую мы уже ссылались, содержится очень важное и интересное положение, касающееся возможностей редукционизма и правомерности его использования в современной психологической науке. А.В. Юревич отмечает: «Редукционизм подвергался, и вполне справедливо, беспощадной критике многими классиками отечественной психологической науки. Ни в коей мере не подвергая сомнению справедливость этой критики, все же следует отметить, что в современной — постнеклассической — науке, характеризующейся нарастанием интегративных тенденций, редукционизм выглядит несколько иначе, а, формируя общее отношение к нему, необходимо учитывать риск выплеснуть с водой и ребенка. Дело в том, что у редукционизма имеется необходимый для любой науки смысл — *выход в процессе объяснения за пределы самой объясняемой системы*» [13, с. 101–102].

А.В. Юревич продолжает: «В общем, редукционизм, рассматривающийся в психологии в качестве одного из худших видов “методологического криминала”, вместе с тем широко распространен и, по всей видимости, неизбежен. А декларированное отношение к нему напоминает весьма характерное для науки, как и для обыденной жизни, провозглашение норм и принципов, которые заведомо не могут быть соблюдены. По всей видимости, *редукционизм, т.е. выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении, не только*

неизбежен, но и необходим в любой науке, являясь основой углубления объяснений» [13, с. 102]. И далее А.В. Юревич подчеркивает, что «подлинно научное объяснение предполагает поэтапную редукцию — последовательное перемещение объясняемых явлений во все более широкие системы координат, сопровождающееся абстрагированием от их исходных свойств. Если следовать этой схеме, а ей следуют все естественные науки, то придется признать, что психологии придется не только легализовать все основные виды редукционизма, которых она упорно стремится избежать, — биологического, социального и др., но и превратить их в хотя и не строго обязательные в каждом конкретном случае, но желательные ориентиры психологического объяснения. В отсутствие же таких ориентиров психологическое объяснение неизбежно будет вращаться в кругу понятий, которые сами требуют объяснения, иметь больше сходства с житейскими, чем с научными объяснениями, а психологическая наука останется далекой от той упорядоченной системы знания, о которой давно мечтают психологи» [13, с. 103]. И далее А.В. Юревич приходит к выводу, согласно которому «возможно, психология станет похожей на естественные науки только тогда, когда основная часть психологических объяснений будет дополняться редукционистскими объяснениями, предполагающими выход при объяснении психического за пределы самого психического. Как пишет Ж. Пиаже, “психологическое объяснение обязательно предполагает сведение высшего к низшему, сведение, органический характер которого обеспечивает незаменимую модель (которая может привести даже к физикализму)”... Не трудно предположить, какое негодование эта мысль может вызвать у адептов т.н. гуманитарной парадигмы, но она не может не возникнуть у сторонников интеграции психологии, предполагающей “наведение мостов” между гуманитарной

и естественно-научной парадигмами» [13, с. 103–104].

Прежде всего отметим, что сформулированная А.В. Юревичем позиция обладает существенной новизной, т.к. немногие авторы сегодня отваживаются на «оправдание» редукционизма. В то же время представляется, что не со всеми положениями, сформулированными А.В. Юревичем, можно согласиться.

Во избежание недоразумений стоит заметить, что автор настоящих строк вовсе не считает редукционизм абсолютным злом и готов согласиться с тем, что в некоторых случаях он может быть полезен. Более того, автор является сторонником интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между различными парадигмами в психологической науке. Вместе с тем представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично. Начнем с констатации того, что главное различие между естественно-научной и гуманистической парадигмами заключается в том, что в них по-разному трактуется предмет психологии. Поэтому для того чтобы навести мосты, необходимо не редуцировать психику к чему-то непсихическому, а, напротив, разработать максимально широкое понимание предмета психологии. Перспектива редукционистского обращения с предметом хорошо описана П.Я. Гальпериным: «Что касается самих психологов, то, представляя свой предмет недостаточно отчетливо, они сплошь и рядом в поисках будто бы собственно психологических закономерностей уходят в сторону от цели и занимаются физиологией мозга, социологией, любой наукой, которая имеет некоторое отношение к психике. По мере выяснения этих вопросов происходит соскальзывание со своего предмета на другой предмет, тем более что этот другой предмет обычно гораздо более ясно и отчетливо выступает и тоже имеет

какое-то отношение к психологии, хотя это и не психология. А такое соскальзывание в другие области не всегда продуктивно. Каждая область выделяется потому, что в ней есть свои закономерности, своя логика. И если вы, соскальзывая в другую область, хотите сохранить логику психологического исследования, вы не сумеете ничего сделать ни в той области, куда соскользнули, ни тем более в психологии, от которой уходите. И такое соскальзывание происходит, к сожалению, очень и очень часто и ведет к непродуктивности и ложной ориентации в исследованиях: то, что подлежит изучению, остается неизученным и неосвоенным» [1, с. 39]. К проблеме предмета психологии нам еще предстоит вернуться в заключительной части настоящей статьи.

Обратимся к самой процедуре редукции. Редукция, как хорошо известно, представляет собой: а) сведение более сложного к простому и б) выход за пределы объясняемой системы. Остановимся на этих двух моментах более подробно.

Сведение более сложного к простому. В психологии это должно означать сведение психологического к непсихологическому. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е.П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто “пассивное”, “страдательное”, произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а “со стороны”, посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект

произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта “извне”, через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» [7, с. 88–89]. Таким образом, «активное функционирование объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки).

Выход за пределы объясняемой системы. А.В. Юревич поясняет это следующим образом: «С целью обоснования этого тезиса вновь обратимся к случаю Ньютона. Если бы он объяснял падение яблок чем-то, относящимся к самим яблокам, такое объяснение имело бы много общего с шпрангеровским “psychologica – psychological”. Ботаники и любители яблок, возможно, были бы удовлетворены, но закон всемирного тяготения не был бы сформулирован. Если бы Ньютон абстрагировался от яблок, рассмотрев их как частный случай тяжелых тел, но пытался объяснить падение этих фруктов их собственными свойствами, то оказался бы на уровне объяснения, сопоставимом с тем уровнем, на котором нет грани между индивидом, группой и обществом, и все они рассматриваются как “социальные объекты”, погруженные в единую систему детерминации (пример ее построения – синтетическая система каузальности, о которой пишет У. Томас). Но и в этом случае, предполагающем выход за пределы объясняемой системы, закон всемирного тяготения не был бы открыт. Понадобился бы и еще один “выход”, да такой, что первоначальный объект объяснения оказался включенным во вселенскую перспективу, где от его исходных свойств осталось

немногое. И именно эти “выходы”, т.е. поэтапное помещение объясняемого объекта во все более широкую перспективу, позволили его объяснить. А если бы Ньютон объяснял падения яблок свойствами самих яблок, он бы не объяснил, почему они падают на землю» [13, с. 102–103].

Если обратиться к гипотетическому случаю И. Ньютона, то следует отметить, что великого физика, по-видимому, интересовало все же не падение *яблока*, а *падение объектов*. Падение яблока (если таковой эпизод имел место) вовсе не явилось причиной формулирования закона всемирного тяготения: И. Ньютон мыслил как физик в *физических категориях*. Иными словами, это было классическое проявление «галилеевского» способа мышления (К. Левин). Заметим, кстати, что выход за пределы объясняемой системы не обязательно предполагает редукцию. Более того, по-видимому, выход за пределы объясняемой системы есть признак объяснения вообще, т.к. экспланандум и эксплананс не совпадают: «Эксплананс по содержащейся в нем информации не должен быть тождественным экспланандуму и не должен содержать экспланандум как свою часть (если даже он и представлен в других терминах)» [7, с. 36]. «Эксплананс должен отображать ту же предметную область, что и экспланандум, или закономерно связанную или сходную с ней в некотором существенном отношении» [7, с. 35].

Использование редукции очень часто приводит к результатам, которые мало что добавляют к уже известному, поэтому их познавательная ценность в большинстве случаев минимальна. Е.П. Никитин приводит пример с мальчиком, который на вопрос «Почему колокола звонят на Пасху?» дал замечательный (притом вполне редукционистский) ответ-объяснение: «Потому, что их дергают за веревочки» [7, с. 91].

Здесь уместно вспомнить, что объяснение имеет исключительную ценность: считается, что наука должна давать объ-

яснения, без объяснений нет науки³. Таким образом, «уважающая себя» наука просто обязана объяснять. Возникает искушение дать объяснение ради объяснения, чтобы оно формально присутствовало. Как говорил М.К. Мамардашвили, «explaine away» — «от-объяснить» (иными словами, не дать полноценное объяснение феномена, а «обозначить» его). Поэтому редукция зачастую представляет собой псевдообъяснение. Другой вариант редукции в объяснении приводит к тому, что Абрахам Маслоу называл «объяснить до уничтожения». Он имел в виду так называемые научные объяснения, которые объясняли творчество, любовь, альтруизм и другие великие культурные, социальные и индивидуальные достижения человечества таким образом, что от этих феноменов мало что оставалось. Конечно, предпочтительнее такие объяснения, которые не уничтожают объясняемый феномен. И это большей частью именно нередукционистские объяснения.

С позицией, сформулированной А.В. Юревичем (обоснование перспективности выхода на уровни биологических и социальных процессов и конструктов в объяснении психологического), дискутирует Т.В. Корнилова [2]. Такие перемещения объяснительных координат, по А.В. Юревичу, задают новые ориентиры психологических объяснений. Т.В. Корнилова утверждает, что с этим следует спорить: «Во-первых, потому, что наличие редукционистских объяснений того или иного толка не решает проблемы нередукционистских объяснений, которые накапливаются в психологии. Во-вторых, примеры и теории верхнего уровня в методологии не могут опровергать друг друга (иное дело в эксперименте, с его принципом фальсификации). В-третьих,

³ Еще Демокрит говорил, что «предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол».

главное возражение идет из разделяемой мною позиции, что методология частных наук может развиваться в рамках понятий именно этой конкретной науки, а не быть привнесенной откуда-то извне... Это скорее та “метадигма”, которая является одной из возможных в психологии. С такой позицией апелляция к объяснительным редукционистским теориям — регресс психологического объяснения к редукционистскому на основе апелляции к *другому уровню систем* (по отношению к которым можно определить психологические системы) возможно только на основе неразличения системного подхода в вариантах его развития как принципа *конкретно-научной* методологии и его понимания в общей теории систем. Если принцип системности многократно (и вполне мультипарадигмально) представлен в психологических работах и прекрасно применим в другом частнонаучном знании, это не может служить основанием для рассмотрения его как принципа, позволяющего смешивать выделяемые разными науками предметы изучения в единую систему (во всяком случае, такая позиция требует специального объяснения), и для утверждения полезности редукционизма» [2, с. 96]. Т.В. Корнилова, обсуждая проблему редукции при объяснении, приходит к следующему выводу: «разорвать “порочный круг” за счет многоуровневости, связываемой с выходом *за рамки системы психологического знания*, методологически проблематично» [2, с. 97].

На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. На этом вопросе мы остановимся более подробно в последнем разделе статьи.

Проблема объяснения и методология психологии

Проблема объяснения может быть адекватно решена в том случае, если она

анализируется не изолированно, а включена в более широкий контекст. Напомним, что Е.П. Никитин анализировал объяснение в структуре научного исследования. Еще раз обратимся к цитированной выше работе Ж. Пиаже об объяснении. Исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего «обнаружить законы». Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Обратим внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов исследования и их обусловленности «выносятся за скобки»: его как бы не существует.

Между тем, упомянутая глава об объяснении в психологии, написанная Ж. Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П. Фресс пронизательно замечает, что «научная деятельность — это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором» [12, с. 100]. Нельзя не согласиться с приведенным выше высказыванием. Отсюда следует, что, по-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода — если мы хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения (и в значительной степени производного от него объяснения). Как нам представляется, включение проблемы объяснения в более широкий контекст позволяет лучше понять специфику объяснения в психологии. По нашему мнению, задать такой контекст может схема соотношения теории и метода в психологии.

Нами было проведено исследование [4] соотношения теории и метода в психологии. Соотношение между теорией

и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (см. рис.).

Остановимся лишь на некоторых результатах этого исследования в связи с проблемой объяснения. На наш взгляд, такое рассмотрение позволяет лучше понять происхождение объяснения в научном психологическом исследовании, проследить эволюцию форм объяснения на ранних этапах развития психологической науки.

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения.

Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлено следующим образом. Полученный эмпирический материал подлжет интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психоло-

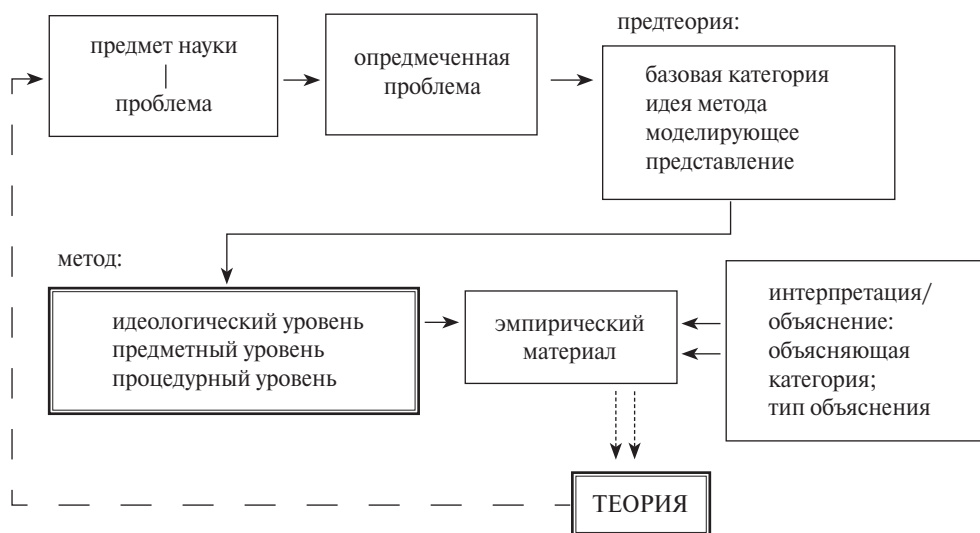


Рис. Модель соотношения теории и метода в психологии

гии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый — объяснение за счет обращения к физиологии. Вторым вариантом является то, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

В плане постановки проблемы объяснения важным является случай, когда начинает использоваться объяснительная категория, не совпадающая с базовой. Это можно считать первой формой собственно психологического объяснения. Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура) посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха [14] протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения, интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический,

поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т.д.). Таким образом, происходит переход от интерпретации к способу обращения с темой (если воспользоваться удачным выражением Мартина Хайдеггера). В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы начинает использоваться объясняющая.

Как нам представляется, требуется продолжение такого рода исследований, направленных на изучение форм объяснения, использовавшихся в истории психологии на более поздних этапах. Можно полагать, что такие исследования позволят лучше понять специфику объяснения в психологии.

Объяснение и предмет психологии (о специфике психологического объяснения)

Как уже упоминалось, разработка проблемы психологического объяснения и выявление его специфики предполагают обсуждение вопроса о предмете психологии. Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный») (см. об этом [5]).

Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показа-

лись излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся все той же работой Ж. Пиаже, который в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения “сила синтеза” и “психологическая сила”. Выражение “психическая энергия” стало широко распространенным, а выражение “работа” даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» [9, с. 190]. Ж. Пиаже продолжает: «...понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не “подведомственно” сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является “причиной” другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели ... применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным “субстратом”. Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является

проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» [9, с. 190].

А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (И.В. Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух “параллельных” или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным, по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» [9, с. 189].

Конечно, Р. Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же (в начале третьего тысячелетия) не стоит: дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой* — не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за

счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или, как обычно говорят, “параллелизм”» [9, с. 188]. Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание — лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» [9, с. 188].

Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь предполагается, что предмет «внутренне простой!»). Это представляется роковой ошибкой. На самом деле, психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера

«psychologica — psychological» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Обратим внимание, что подход К.Г. Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от редукционистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редукционистский подход с юнговским методом амплификации. Амплификация — часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением “психологической ткани”, в которую вплетен образ» [11, с. 19]. Как мудро заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приносовлена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная...

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет. Как нам представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редукционизма в психологии неактуальной.

И, наконец, в заключение отметим, что в настоящее время совершенно ясно, что научная психология еще далека от того, чтобы претендовать на создание единой универсальной теории.

Соответственно, реальностью является множественность видов объяснения и сосуществование различных видов объяснения. Поэтому дискуссии о том, какие виды объяснения предпочтительнее, имеют смысл в перспективном отношении: для определения главных тенденций в развитии психологической науки. Для современной методологии актуальной остается задача разработки проблемы объяснения в ситуации «множественности» методологических подходов и соответственно средств методологического анализа» [2, с. 94].

Литература

1. Гальперин П.Я. Лекции по психологии: Учебное пособие для студентов вузов. М, 2002.
2. Корнилова Т.В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений // Психологический журнал. Т. 27. № 5. 2006. С. 92–100.
3. Лекторский В.А. Евгений Петрович Никитин – человек, философ // Никитин Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М., 2004.
4. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
5. Мазилев В.А. Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
6. Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1969.
7. Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. М., 1970.
8. Никитин Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М., 2004.
9. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. М., 1966. С. 157–194.
10. Роговин М.С. Психологическое исследование. Ярославль, 1979.
11. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М., 1994.
12. Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М., 1966. С. 99–156.
13. Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. № 1. 2006. С. 97–106.
14. Ach N. Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang: Ueber das Hippsche Chronoskop. Göttingen, 1905.
15. Brown R. Explanation in social science. Chicago, 1963.
16. Cammins R. The Nature of psychological Explanation. London, 1983.
17. Fodor J.A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology. N.Y., 1968.
18. Hempel C.G., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science. 1948. Vol. 15. N 2. P. 135–175.
19. Swart H.A.P. Explanation in Psychology. Delft, 1985.